

— Почему Чжэцзы, который всегда так хорошо к тебе относится, на этот раз не дал тебе ни копейки? — Лю Цюаньцзинь забеспокоился. Он думал, что Лю Яоцин в любом случае должен был получить немного серебра, и если бы он отдал его старику Лю, возможно, тот стал бы лучше относиться к Лю Яоцину.

— Нету, — покачал головой Лю Яоцин.

Лю Цюаньцзинь был слишком наивен, его мир был настолько мал, что в нем не помещалось ничего, кроме работы на поле. В этом доме он был словно марионетка, управляемая стариком Лю и Ли-ши, а его мысли были наполнены искаженными идеями, которые старик Лю внушил ему, и он пытался передать их Лю Яоцину.

Выйдя из главной комнаты, Лю Яоцин не пошел к себе, а постоял во дворе, ожидая.

Вскоре он увидел, как старик Лю вошел в дом старшего сына, и, хотя он не слышал, о чем они говорили, вскоре Лю Цюаньфу, держась за зад, выбежал прямо в нужник. Увидев Лю Яоцину, он бросил на него злобный взгляд, словно хотел его съесть.

Лю Яоцин понял, что старик Лю просто для вида зашел туда, чтобы сделать выговор.

Вечером, ложась спать, Лю Цюаньцзинь тяжело вздохнул и сказал матери (Ли-ши):

— Цин-гэр совсем распустился, он спорит с дедушкой и не уважает дядю. Что делать с таким непочтительным ребенком... Если он так будет вести себя, когда выйдет замуж, его репутация испортится, и семья мужа будет смотреть на него свысока.

Эти слова расстроили мать, и она тихо произнесла:

— Завтра я поговорю с ним.

— Эх... — снова вздохнул Лю Цюаньцзинь.

Он не спал большую часть ночи, ворочаясь и вздыхая, но не говорил ничего больше, ожидая, пока мать спросит. Он чувствовал себя плохо, в доме было много проблем, и на этот раз Лю Цюаньфу и Чжун-гэ опозорились перед всей деревней. Хорошо, что дело с похищением Юй-гэра не вышло наружу, иначе все было бы еще хуже.

Он хотел, чтобы мать поняла это и сделала что-то, чтобы восстановить репутацию семьи, но она ничего не сказала, а утром встала и пошла в комнату Лю Яоцину.

Ранее Лю Яоцин уже говорил матери, что если Лю Цюаньцзинь снова будет молчать и мучить себя, то не нужно обращать на него внимания, и он сам успокоится. Раньше мать была мягкой, ухаживала за ним, но Лю Цюаньцзинь все равно был недоволен то одним, то другим, и она сама мучилась. Теперь, не обращая на него внимания, ничего не изменилось.

Но когда дело касалось Лю Яоцину, мать не могла оставаться равнодушной и пришла поговорить с ним подробно.

— Мама, — усмехнулся Лю Яоцин. — Я действительно неуважительный, но посмотри, я просто противостою дяде и дедушке, потому что они плохо относятся к нам, к третьей ветви семьи. Посмотри, как я отношусь к другим: к Юй-гэру, к младшей Ли-ши, к Чжэцзы-гэ — все хорошо. Я понимаю эти правила, но если бы я послушал отца и уважал дядю и дедушку, то Юй-гэр уже был бы продан в уездный город, а дедушка вчера вечером потребовал бы у меня серебро...

— Это правда, — мать поняла, что все зависит от человека.

— Мама, — Лю Яоцин достал серебряную шпильку, которая была ярче и красивее, чем те, что были у матери раньше, и на ней был подвешен небольшой подвес.

Он специально попросил Чжэцзы съездить в городок и обменять серебро. Вино из диких ягод, проданное Гао Фугую, принесло 4 лян серебра, и эта шпилька стоила почти 2 лян.

Мать, едва взяв ее, попыталась вернуть обратно:

— Это стоит немало серебра, носить её будет расточительно...

— Мама, примерь, я хочу посмотреть, — Лю Яоцин снова протянул ей шпильку. — Я заработал это у Чжэцзы-гэ, специально для тебя. Когда я заработаю больше, сделаю тебе золотую, она будет еще красивее.

Какая женщина не любит украшения? Мать сняла деревянную шпильку и надела серебряную, и ее вид сразу изменился, лицо стало более привлекательным.

— Красиво, мама, оставь её, — Лю Яоцин, увидев, что мать хочет снять шпильку, поспешно сказал. — Чжэцзы-гэ собирается купить землю, скоро будут приглашать старшин на пир, и тебе нужно будет помочь с приготовлением угощений. Со шпилькой ты будешь выглядеть лучше.

Услышав это, мать не стала снимать шпильку.

В деревне большинство семей поступали так же: когда устраивали пиры для гостей, они тоже наряжались, чтобы не ударить лицом в грязь. Ли-ши (тётя) обычно носила серебряные серьги, младшая Ли-ши тоже носила серебряную шпильку, но мать почти их не надевала... потому что вся семья зарилась на её приданое.

Теперь же бояться было нечего, Лю Яоцин заработал серебро и обменял его на украшения, не принеся ни копейки домой, и мать понимала его намерение — не показывать серебро главной ветви семьи.

Выйдя из комнаты, Ли-ши (тётя) увидела украшение на голове матери, и лицо её сразу помрачнело.

Лю Яоцин собирался выйти, но Эр Ха лежал на земле и не хотел уходить, возясь. Увидев выражение лица Ли-ши, он спросил:

— Бабушка, что с моей мамой? Почему ты так хмуришься? Может, позвать дедушку?

— Собачье отродье... — Ли-ши бросила на Лю Яоцина злобный взгляд, бормоча под нос.

— Бабушка, если ты еще раз скажешь слово, я позову всю деревню, — хотя ругань не причиняла боли, Лю Яоцин не хотел её слушать. — Син-гэ, оставайся во дворе и слушай. Если бабушка снова начнет ругаться, позови меня, я соберу побольше людей, чтобы обсудить, кого она ругает, или, может, она сама с ума сошла, и её нужно запереть, чтобы она не убежала и не начала ругать других.

У каждой семьи есть свои грязные секреты: если Ли-ши не осмелится признаться перед всей деревней, Лю Яоцин назовет её сумасшедшей, и позор будет не его, а её.

Эти слова сразу возымели эффект: хотя Ли-ши все еще хмурилась, она перестала ругаться.

Младшая Ли-ши и Лю Цюаньфу, слышавшие это, хоть и злились, но не осмелились заговорить.

Все лучшие земли уже были заняты, те, что продавались, были небольшими участками, а низкокачественных земель было больше, но Лю Яоцин был недоволен.

Чжэцзы-гэ рассказал все, что узнал, но, видя, что Лю Яоцин все еще качает головой, сказал:

— Может, купим гору? Перед нами есть небольшой холм, а внизу пустоши, они никому не принадлежат, но слишком бедные, ничего не вырастет.

— Серебра, наверное, не хватит, — Лю Яоцин считал, что холм и пустоши подходят, но территория большая. Холм хоть и невысокий, но широкий, с небольшой долиной, а пустоши занимают огромную площадь, и нужно много серебра, чтобы их приобрести.

— У меня есть немного сбережений, я все отдам, — Чжэцзы-гэ, увидев, что Лю Яоцин заинтересован в холме, начал искать решение. — Когда Гао Фугуй принесет вторую половину серебра, точно хватит, а если нет, то заплатим половину и оформим документы на землю.

— Получится? — Лю Яоцин немного волновался.

— Гора никуда не денется, все знакомы, сбежать некуда. Потом найдем уважаемых в деревне, чтобы они поручились, и все будет в порядке, — Чжэцзы-гэ хлопал себя по груди. — Я беру это на себя.

Поскольку это было желание Лю Яоцина, Чжэцзы-гэ изо всех сил старался его выполнить.

В этот момент Чжэцзы-гэ выглядел не так, как обычно.

Решив действовать, Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ отправились к старшине, объяснив свое желание купить гору. Старшина, подумав, назвал сумму, и, как и ожидалось, серебра у них хватало только на половину.

Затем Чжэцзы-гэ изложил свой план, и, когда он говорил, он выглядел иначе, чем обычно. Лю Яоцин почувствовал, что Чжэцзы-гэ словно стал другим человеком, казался очень надежным и умелым.

— Можно попробовать, — старшина уже знал о вине "Нектар небожителей", которое наделало шума в городке, и знал, что это дело рук Лю Яоцина и Чжэцзы. Теперь, видя, что они хотят купить гору, он понял, что они заработали немало серебра.

Они составили временный документ, пригласили нескольких старейшин деревни в качестве свидетелей, и старшина повел Чжэцзы-гэ в городок к чиновнику ямэня, чтобы попробовать оформить сделку.

Гора и пустоши были ничьими, значит, принадлежали императорскому двору, и чтобы купить землю, нужно было иметь дело с ямэнем, что избавляло от посредников.